

БИБЛЮГРАФІЯ.

Campagne de Waterloo, par le lieut.-col. Charras, Bruxelles.

(Ватерлооская кампанія 1815 года, соч. подполковника Шарраса).

Конгрессъ, собравшійся по окончаніи кампаніи 1814 года въ Вѣнѣ, 8-го марта 1815 года, получилъ неожиданное извѣстіе о высадкѣ Наполеона во Франціи и о бѣгствѣ Лудовика XVIII въ Гентъ. Появленіе во Франціи челоуѣка, въ теченіе пятнадцати лѣтъ волновавшаго Европу, такъ поразило членовъ конгресса, что они, оставивъ всѣ споры, черезъ пять дней по полученіи этого извѣстія, единогласно объявили свою знаменитую декларацию, провозглашавшую Наполеона внѣ законовъ. Черезъ три мѣсяца послѣ высадки, Наполеонъ, проигравъ Ватерлооское сраженіе, отправленъ былъ узникомъ на островъ Св. Елены, гдѣ и посвятилъ остатокъ дней своихъ на составленіе своихъ мемуаровъ.

Этотъ эпизодъ въ исторіи Франціи, извѣстный подъ именемъ «Ста дней», всегда возбуждалъ особенный интересъ и даже заставлялъ сочувствовать Наполеону и обвинять его сподвижниковъ Груши и Нея, считавшихся единственными виновниками неудачной кампаніи 1815 года.

Таково было общее убѣжденіе, основанное на мемуарахъ Наполеона, которыми руководствовались всѣ военные писатели.

Увлекаясь описаніемъ однихъ военныхъ дѣйствій, они не обращали должнаго вниманія на политическую сторону. За громкими и славными побѣдами, они не хотѣли видѣть внутренняго состоянія Франціи.

Франція въ 1815 году, съ свойственнымъ ей энтузіазмомъ, отдалась въ руки Наполеона; но отдалась единственно потому, что положеніе ея подъ властію Людовика XVIII было невыносимо; ошибки правительства, угрозы и безразсудныя притязанія роялистовъ, католиковъ и эмигрантовъ, дѣлали положеніе Франціи худшимъ, чѣмъ во времена самага сильнаго военнаго деспотизма. При томъ же, Наполеонъ явился во Францію какъ бы совершенно переродившимся въ изгнаніи; его прокламаціи и рѣчи были проникнуты любовью къ миру и уваженіемъ къ гражданскимъ правамъ народа.

Но скоро, всё эти иллюзіи исчезли и обнаружили, что во Францію вернулся тотъ же самый Наполеонъ, который такъ недавно еще былъ предметомъ страшной ненависти царей и народовъ, за его стремленіе къ безграничной власти и деспотизму. Во Франціи возстановилось все въ томъ же видѣ, какъ было до 1814 года; тѣ же лица, тѣ же ненавистные министры, кромѣ одного Карно; то же великолѣпіе Двора при истощеніи народа; та же свобода въ пышныхъ рѣчахъ и отсутствіе ея на дѣлѣ. Франція увидѣла, что она ошиблась въ своихъ ожиданіяхъ, энтузіазмъ ея остылъ. Конечно, Наполеонъ могъ бы обратиться къ этому народу, который его нѣкогда чуть не боготворилъ, онъ могъ бы откровеннымъ признаніемъ возбудить снова его энтузіазмъ, но онъ не хотѣлъ, или не посмѣлъ этого сдѣлать; а продолжалъ свои вооруженія и приготовленія къ войнѣ производить тайно. Онъ понималъ, что Франція, узнавъ объ этихъ приготовленіяхъ и о томъ, что возвращеніе Наполеона повлечетъ новое вторженіе непріятелей, можетъ явно отказаться отъ него.

Вотъ главнымъ образомъ, по словамъ Шарраса, причины, почему Наполеонъ еще разъ сталъ во главѣ націи, которую онъ еще разъ жестоко обманулъ и которая потому въ рѣшительную минуту отступилась отъ него.

Наполеонъ же въ своихъ мемуарахъ выставляетъ главными виновниками Ватерлооской катастрофы Груши и Нея и слѣпой случай, который въ эту компанію отдалъ побѣду неспособнымъ и бездарнымъ, какъ говорилъ самъ Наполеонъ, его противни-

камъ, Веллингтону и Блюхеру. Но такъ ли это въ дѣйствительности? Сочиненіе полковника Шарраса даетъ положительный отвѣтъ: нѣтъ.

Не вдаваясь въ неумѣстныя здѣсь подробности, обратимъ вниманіе только на Ватерлооскую компанію.

По странному стеченію обстоятельствъ, авторитетъ мемуаровъ Наполеона I о 1815 годѣ исчезъ, вслѣдствіе косвеннаго и невольнаго содѣйствія лица, которому память перваго императора драгоцѣннѣе всякаго другаго. Это лицо нынѣшній императоръ Франціи. Послѣ декабрьскаго переворота 1852 года, въ числѣ лицъ, изгнанныхъ изъ Франціи, былъ нѣкто полковникъ Шаррасъ. Избравъ для жительства Бельгію и находясь такимъ образомъ на самомъ театрѣ войны 1814 года, онъ началъ тщательное изученіе компаніи Наполеона I. Бельгійскіе архивы, рассказы современниковъ, принимавшихъ участіе въ послѣдней императорской драмѣ, свидѣтельства достовѣрныхъ лицъ, заслуживающія полного довѣрія, сочиненія и наконецъ никому неизвѣстные до того времени документы, въ достовѣрности своей не подлежащія ни малѣйшему сомнѣнію, сличенные Шаррасомъ весьма тщательно и добросовѣстно между собою и съ мемуарами Наполеона, ясно показали ему, что Наполеонъ былъ творцомъ эпопеи. Факты, приводимые Наполеономъ въ своихъ мемуарахъ, искажены, дурно изложены, а весьма часто и вовсе имъ самимъ выдуманы. Время и разныя разстоянія, упоминаемыя въ мемуарахъ, не заслуживаютъ никакого довѣрія. Однимъ словомъ, развѣичанный императоръ писалъ компанію 1815 года по совершившимся уже фактамъ и распоряжался событіями такимъ образомъ, чтобы самому быть совершенно правымъ, а въ неудачѣ обвинить своихъ сподвижниковъ, въ особенности же Нея и Груши.

Убѣдившись въ этомъ способѣ изложенія записокъ Наполеона, Шаррасъ, по необходимости, долженъ былъ вѣдаться въ самыя мелочныя подробности, тщательно сличить всѣ свидѣтельства за и противъ Наполеона, что и удостовѣрило его вполне, что тяжелыя обвиненія изгнанника несправедливо ложатся на людей невинныхъ и служатъ только для скрытія собственной вины Наполеона, который въ это время далеко уже былъ не тотъ, что прежде.

Портретъ Наполеона, начерченный Шаррасомъ, чрезвычайно вѣрепъ; онъ подтверждается множествомъ другихъ свидѣтельствъ.

«Наполеонъ», говоритъ Шаррасъ, «состарѣлся преждевременно. Его взглядъ сохранилъ прежнее могущество, но подлота тѣла и отвислыя щеки уже свидѣтельствовали о приближеніи той эпохи жизни, когда начинаетъ проявляться упадокъ силъ. Теперь онъ уже чувствовалъ потребность въ отдохновеніи, которымъ прежде пренебрегалъ вовсе. Быстрая ѣзда, продолжительное пребываніе на конѣ сдѣлались для него невыносимыми. Вполнѣ владѣя прежней ловкостью и быстротою соображенія, онъ утратилъ способность продолжительной и настойчивой обработки мысли, и что еще хуже — смѣлость и энергію. Подобно людямъ, начавшимъ уже старѣться, онъ любилъ говорить и разсуждать, убивая такимъ образомъ по нѣсколько часовъ времени на безполезныя бесѣды». «Наполеонъ уже не тотъ, какими мы его знавали прежде», говорилъ Вандомъ своимъ офицерамъ, на другой день послѣ Линьскаго сраженія. Жераръ, глубоко и безгранично преданный Наполеону, выражалъ ту же самую мысль, только нѣсколько мягче; онъ сожалѣлъ о «ничѣмъ невознаградивой и необъяснимой медленности Наполеона». Даже солдаты уже замѣчали въ немъ перемену; причины ея они искали въ измѣнѣ окружающихъ. Самъ же Наполеонъ въ ихъ глазахъ былъ непогрѣшимъ.

Если нельзя вполнѣ и безусловно согласиться съ Шаррасомъ относительно дѣйствій Груши, то все таки должно сказать, что маршалъ этотъ виноватъ далеко не такъ, какъ выставилъ это Наполеонъ въ своихъ мемуарахъ.

За то обвиненія Нея разлетаются въ прахъ предъ неопровержимыми доводами безпристрастнаго и добросовѣстнаго историка 1815 года. Заслуга Нея 16 числа выставляется въ самомъ рельефномъ видѣ. Сраженіе при Катръ-Бра, гдѣ Ней выказалъ столько энергіи, смѣлости и самоотверженія, вполнѣ доказываетъ всю заслугу этого человѣка, пожертвовавшего для Наполеона всѣмъ, что только есть у человѣка самаго священнаго и дорогаго. И этого-то человѣка, принесшаго въ жертву Наполеону даже собственную честь, Наполеонъ обвинялъ въ робости, слабости и нерѣшительности. Можно смѣло сказать, что 16-го числа, въ день, замѣчательный по кровавымъ встрѣчамъ при Линьи и Катръ-Бра, солдаты и генералы выказали удивительную стойкость, храбрость и энергію, и что не они измѣнили своему вождю, но ихъ вождь измѣнилъ имъ. Вождь этотъ былъ далеко уже не тотъ, что прежде.

Шаррасъ, при составленіи своего замѣчательнаго труда, имѣлъ неопровержимые документы, пользовался ими съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностію. При разсмотрѣніи компаниі 1815 года, онъ съ такимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ об-суживаетъ факты, что бороться съ нимъ безнаказанно, положи-тельно нѣтъ никакой возможности. Несмотря на то, что во Фран-ціи въ послѣднее время созданъ особый родъ литературы, имѣю-щей обязанностью брать на себя защиту угнетенной бонапартист-ской невинности, не взирая на то, что малѣйшая брошюра, гдѣ есть хотя слабый неблагопріятный намекъ на членовъ династіи Наполеона I, порождаетъ цѣлые томы официальныхъ и неофици-альныхъ защитъ:—на сочиненіе Шарраса до сихъ поръ не сдѣ-лано ни малѣйшаго возраженія. Официальная Франція, не до-вольная безпристрастіемъ автора, не нашла другаго способа бо-роться съ Шаррасомъ, какъ только запретить ему въѣздъ въ оте-чество и, ссылаясь на то, что сочиненіе это напечатано въ Брюс-селѣ, запретить во Франціи и самое сочиненіе. Подобная мѣра служить лучшимъ доказательствомъ правоты дѣла.

Въ заключеніе должно сказать, что сочиненіе Шарраса весь-ма важное пріобрѣтеніе новѣйшей военной литературы. Оно весь-ма любопытно и съ одинакимъ интересомъ читается, какъ спе-циалистами военнаго дѣла, такъ и всякимъ образованнымъ чело-вѣкомъ.

Опытъ руководства для образованія стрѣлковъ, со-ставлено офицерами гвардейской учебной роты. Спб. 1859 года.

Вмѣстѣ съ измѣненіями, вошедшими въ послѣднее время въ военное образованіе солдатъ, въ арміи нашей сдѣлалась ощути-тельною потребность въ полномъ и систематическомъ изложеніи всего того, что при обновленномъ взглядѣ на службу признано необходимымъ для усовершенствованія войскъ въ боевомъ ихъ развитіи.

И вотъ первый шагъ на пути къ столь полезному труду уже сдѣланъ.

«Опытъ для образованія стрѣлковъ» не можетъ не вызвать общей признательности къ его составителямъ, за готовность ихъ быть полезными общему дѣлу образованія арміи, хотя изданная книга не чужда нѣкоторыхъ недостатковъ, какъ въ литератур-номъ отношеніи, такъ и въ самомъ способѣ изложенія статей. Изъ предисловія узнаемъ, что руководство для стрѣлковъ имѣетъ

цѣлю представить полный сводъ знаній, нужныхъ не только для легкой, но и для всей вообще пѣхоты; тамъ же сказано, что въ отдѣлѣ приложеній помѣщены нѣкоторыя «отрмечатыя свѣдѣнiя», и между прочимъ «обученiе плаванiю», которое, «хотя почти и необходимо солдату, но къ сожалѣнiю не вездѣ прилжимо по недостатку хорошей и удобной воды».

Далѣе изъ текста видно, что гг. офицеры учебной стрѣлковой роты черезъ мѣру увлеклись развитiемъ солдата, которое, то подъ видомъ нравственнаго, то умственнаго, то физическаго, является чуть не на каждомъ шагу, и наконецъ, на страницахъ 4 и 5-й приходятъ къ тому, что нравственное развитiе, цѣлю котораго «должно быть развитiе въ стрѣлкѣ самостоятельности, чувства долга, мужества и прочихъ военныхъ доблестей, достигается не какимъ либо особымъ предметомъ, а пѣлою системою обученiя, въ которую входятъ: обученiе бѣгу, фехтованiю, стрѣльбѣ въ цѣль, дѣйствию въ разсыпномъ строю, аванпостной и патрульной службѣ».

Ясно, что это обмолвка, невольно вкравшаяся въ руководство, отъ желанiя придать разнымъ видамъ развитiя слишкомъ обширное значенiе.

Относительно способа изложенiя статей въ руководствѣ, слѣдуетъ замѣтить, что однѣ изъ нихъ, вошедшiя «предпочтительно передъ прочими въ составъ умственнаго стрѣлковаго развитiя», написаны въ вопросахъ и отвѣтахъ, а другiя, «способствующiя нравственному развитiю», какъ-то бѣгъ, фехтованiе, стрѣльба въ цѣль, имѣють форму наставленiй для обучающаго.

Въ статьи первой категорiи, намъ кажется, вошли многiе предметы, превышающiе обыкновенныя понятiя солдата, такъ напримѣръ, въ теорiи стрѣльбы, разсужденiе о силѣ тяжести едва ли не лишнее для солдата при настоящей степени его образованiя; другiе же предметы, напротивъ, неудовлетворяють требованiю по неясности опредѣленiя, такъ, напримѣръ, въ статьѣ о разсыпномъ строѣ, отвѣтъ, что «перекатною цѣпью называется, если одна цѣпь перекатывается впередъ черезъ другую», при всей своей наглядности, несовершенно вѣренъ въ отношенiи этимологическаго опредѣленiя перекатной цѣпи, по правиламъ устава.

Въ статьяхъ же втораго рода, много мѣста уступлено описанiю того или другаго порядка, въ которомъ должно произве-

даться увраженіе, что, какъ кажется, не имѣеть большой важности и не можетъ оказать вліянія на ходъ занятій, лишь бы только самыя занятія были толковы.

Какъ опытъ, «Руководство для образованія стрѣлковъ» имѣеть свое значеніе въ нашей военной литературѣ, и вызываетъ общую признательность къ гг. участвовавшимъ въ составленіи его, но, какъ руководство, имъ слѣдуетъ пользоваться вообще съ осторожностію.

Объ исправительныхъ наказаніяхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, и о производствѣ дѣлъ о первыхъ побѣгахъ, составилъ оберъ-аудиторъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса Исѣевъ. Спб. 1859.

Маленькая брошюра, составленная очень добросовѣстно и тщательно по Своду Военныхъ Постановленій, продолженіямъ и приказамъ г. Военнаго Министра, представляетъ дѣйствительно полный сборникъ по этому предмету и можетъ быть полезна. На 34 страницахъ брошюры собрано все, что необходимо знать объ исправительныхъ наказаніяхъ, напримѣръ, хотъ ротному командиру, и этимъ г. Исѣевъ оказалъ, конечно, нѣкоторую заслугу нашимъ офицерамъ, для которыхъ часто становится почти невозможнымъ имѣть подъ рукою для справокъ и Сводъ Военныхъ Постановленій и отдѣльные приказы Военнаго Министра.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція «Военнаго Сборника», знакомя своихъ читателей со всѣмъ, что является новаго по части военной литературы, тѣмъ не менѣе можетъ пройти молчаніемъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ перевода классическаго сочиненія полковника Шарраса — «Ватерлооская компанія 1815 года», о которомъ нѣсколько словъ сказано въ настоящей книжкѣ журнала.

Познакомить читателей съ этимъ интереснымъ сочиненіемъ, Редакція находитъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что оно представляетъ не исключительно только одинъ военный интересъ, но заключаетъ въ себѣ много достоинствъ, какъ хорошее историческое сочиненіе.

Цѣна этому сочиненію, съ принадлежащими къ нему планами, будетъ 2 руб. сер., но редакція «Военнаго Сборника», желая доставить своимъ подписчикамъ возможность приобрести это сочиненіе возможно дешевле, заключила условіе съ издателемъ онаго, чтобы подписчики «Военнаго Сборника» получили его за 1 р. 50 коп. сер. Почему редакція покорнѣйше проситъ гг. желающихъ приобрести это сочиненіе увѣдомить о томъ съ первою же почтою.
